

Неужели я номер двадцать восемь? Свет быстро вращался, и в её быстро бьющемся сердце мир перед глазами разделился на две части: верхняя — ослепительно белый свет, нижняя — бескрайняя тьма, созданная толпой.

Цяо Чжэн не помнила, как она пробилась через толпу. Вокруг было шумно, но она ясно слышала своё дыхание и сердцебиение.

Что делать? Что делать? Если этот дедушка захочет соревноваться в сальто?

Тьма уже осела внизу её поля зрения. Она уже стояла на сцене.

Чжан Хунлянь сказал:

— Девушка! Давай споём дуэтом? Я спою первую строчку, а ты — вторую.

Цяо Чжэн с облегчением вздохнула. Хорошо, что не сальто.

Чжан Хунлянь был очень активен на сцене, с сильным желанием показать себя. Он, казалось, понимал, что скорость важна, и не дал Цяо Чжэн времени на подготовку. Взяв микрофон, он начал:

— Эй... Внуки гор...

Его «эй» мгновенно заставило толпу замолчать. Люди замерли.

Голос Чжан Хунляня внезапно оборвался. Он поднял голову, бросил взгляд и улыбнулся, как бы говоря: «Теперь твоя очередь».

Цяо Чжэн не растерялась и спокойно продолжила.

— Любят солнце, а солнце любит... людей гор...

Чжан Хунлянь без паузы подхватил:

— Здесь горные дороги извиваются, здесь речные пути петляют...

Они никогда не репетировали вместе, но их дуэт был настолько гармоничным, что вызвал бурные аплодисменты.

Цяо Чжэн поклонилась и уже собиралась сойти со сцены, но Чжан Хунлянь крикнул:

— Девушка, соревнование должно быть честным. Я начал первым, теперь твоя очередь. Посмотрим, сможет ли старик справиться.

Цяо Чжэн задумалась, взяла микрофон и настроила дыхание. Предыдущая песня получилась неидеально, хотя она и не опозорилась. Она давно не пела народные песни, и это её немного нервировало. Цяо Чжэн решила ответить тем же.

— Кто принёс древний зов, кто оставил тысячелетние надежды, может быть, это безмолвная песня, или это непреходящая тоска... Я-ла-со... Это Цинхай-Тибетское нагорье, я-ла-со... Это...

Её звонкий голос внезапно оборвался.

Цяо Чжэн бросила лукавый взгляд, как бы говоря: «Дедушка, пой, веселись».

На лице Чжан Хунляна мелькнула досада, но он не сдался. Он уже взял микрофон, но не спешил начинать.

Крики из зала становились всё громче.

— Старик, пой!

— Пой!

— Давай!

Чжан Хунлян собрал дыхание в диафрагме, взял микрофон, и его грудь поднялась и опустилась, когда он набирал воздух. Он даже встал на цыпочки:

— Это... Цинхай... Выс... Оу... Пиииии...

Чжан Хунлян действительно не боялся Цинхай-Тибетского нагорья, но на середине высокой ноты дешёвый микрофон издал пронзительный визг.

Все зажали уши.

Чжан Хунлян задохнулся, сильно расстроенный.

Ведущая, смущённая, извинилась перед зрителями, а затем перед Чжан Хунляном и Цяо Чжэн.

Цяо Чжэн не придавала этому значения, но Чжан Хунлян был недоволен:

— Это не работает. Один Цинхай-Тибетский, и всё. Я хотел спеть с этой девушкой даже выше.

Цяо Чжэн улыбнулась ему и вежливо похвалила.

Она действительно была рада, что микрофон сломался.

Янь Цзэ давно не видела столько людей, и толпа была хаотичной. Везде был шум. Она обошла несколько раз, прежде чем нашла маму.

Мама Янь ещё не сняла макияж, на ней было платье, украшенное золотыми и серебряными блёстками. Она с подругами махала веерами:

— Мы поддерживаем Сяо Цяо!

Янь Цзэ не знала, где её мама выучила английский.

Но Цяо Чжэн уже ушла, её нигде не было видно. Одного дедушки Чжан Хунляна было достаточно. Что, если ещё одна тётя захочет станцевать с ней дуэт?

Высокие ноты были настоящим испытанием. Цяо Чжэн давно не пела так высоко, и теперь её горло было сухим, как будто вот-вот задымится. Она всё время хотела кашлять, но на сцене сдерживалась.

В зале всё ещё было много аплодисментов, но не для дедушки Чжан Хунляна, а для неё самой.

— Красавица, спой ещё!

— Ого! Красавица, станцуй для нас!

Цяо Чжэн нахмурилась. В зале было темно, и её ослеплял свет. Она не могла разглядеть, кто кричит.

Мама Янь повернулась к дочери:

— У Сяо Цяо высокая популярность. Я думаю, у неё больше всего шансов стать звездой...

Янь Цзэ закрыла лицо рукой, молча.

Ведущая спросила Цяо Чжэн:

— Мисс Цяо, вы хотите спеть ещё одну песню для зрителей?

Цяо Чжэн с улыбкой отказалась, хотя крики из зала становились всё громче, как наводнение, почти заглушая музыку.

— Нет, спасибо всем.

Она быстро сошла со сцены, но, не успев спуститься с последней ступеньки, её резко дёрнули, и она упала в чьи-то объятия.

Резкий запах алкоголя и сигарет ударил в нос. Цяо Чжэн почувствовала тошноту. Её рука схватилась за что-то мокрое — это была грязная рубашка мужчины, пропитанная потом.

Цяо Чжэн испугалась, оттолкнула его и побежала.

— Поиграем тут, — сзади её схватил другой мужчина. Казалось, он давно не видел женщин, и, коснувшись её мягкой руки, его лицо приняло пьяное выражение.

Цяо Чжэн попыталась вырваться, но не смогла. Она слышала шум толпы, но кричать о помощи было сложно. Рядом было много заброшенных зданий, которые собирались снести, и они образовывали тёмные уголки и переулки без света.

Спереди и сзади её окружали опасные мужчины. Вход был закрыт, выход отрезан.

Цяо Чжэн дрожала. Она никогда не думала, что окажется в такой ситуации.

Эти люди хотели не денег, а её тела.

Мужчина с грязными, жирными волосами прижал её к стене, его глаза горели злым блеском, и он начал приставать.

— Ааа! — мужчина крикнул от боли.

Его рот широко открылся, глаза закрылись, и вены на лбу набухли от боли.

Клац.

Кирпич упал на землю и разбился на три части.

Цяо Чжэн, прижав руку к груди, воспользовалась моментом и побежала к свету.

Для сегодняшнего выступления она надела туфли на высоком каблуке с открытым носком. Подошва была толстой, а каблук тонким и высоким. В обычное время она могла бы справиться с такой обувью, но сейчас, когда на кону была её жизнь, она споткнулась на первом же шаге.

Колени и локти поцарапались о гравий на дороге, кожа горела от боли.

Она не обращала на это внимания, поднялась, опираясь на руки.

В этот момент чьи-то руки мягко подхватили её за талию. Движение было нежным, но сила ощущалась. Другие руки схватили её запястья.

Цяо Чжэн, опираясь на себя и на эти руки, поднялась. Колени горели, она не знала, идёт ли кровь.

Как только она встала на ноги, боль в ранах усилилась. Её тело качнулось, и она упала на чью-то мягкую грудь.

Цяо Чжэн не могла открыть глаза от боли. Она почувствовала ткань рубашки — она была немного жёсткой. Ей даже не нужно было смотреть на лицо, чтобы понять, что это был кто-то важный, любимый народом и преданный делу.

Как будто схватившись за соломинку, Цяо Чжэн крепко обняла её за талию.

Но Янь Цзэ крепко схватила её руки и нежно оттолкнула. Цяо Чжэн развернулась на сто восемьдесят градусов и прижалась к её спине.

Мужчина, получивший удар кирпичом, был оглушён. Он сидел, прижавшись к стене, держась за затылок, и невнятно ругался.

Его сообщники, увидев, что перед ними женщина, не восприняли её всерьёз и начали говорить ещё более грязные вещи:

— Ещё одна девчонка. Старик, тебе не повезло, мы разделим её между собой.

— Ммм... Не трогайте её, оставьте мне...

Руки и ноги Цяо Чжэн были ледяными. Сзади был ещё более тёмный переулок, и бежать туда было небезопасно. Чтобы добраться до толпы, нужно было пройти мимо двух оставшихся мерзавцев.

Янь Цзэ взяла её за руку, и её голос в ночи был холодным, как металл, покрытый инеем:

— Пошли.

Цяо Чжэн, дрожа, шла за ней.

На полпути она быстро подняла с земли осколок кирпича. Два мужчины, увидев её движение, быстро разбежались в стороны.

Цяо Чжэн бросила кирпич, и он полетел с большой скоростью. В темноте было трудно разглядеть его траекторию.